

Стивенс Р.

ТАЙНА КОРОЛЕВЫ
ЕЛИЗАВЕТЫ

ЖЕНСКИЕ ЛИКИ — СИМВОЛЫ ВЕКОВ

Женские лики – символы веков

Роберт Стивенс

Тайна королевы Елизаветы

«Алгоритм»

1899

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)

Стивенс Р. Н.

Тайна королевы Елизаветы / Р. Н. Стивенс — «Алгоритм»,
1899 — (Женские лики – символы веков)

ISBN 978-5-486-03982-9

Роберт Нельсон Стивенс (1867–1906) – американский писатель, автор приключенческих и исторических книг. В начале своего литературного пути ориентировался на творчество английского романиста Стенли Джона Веймана, которого в ту пору именовали «Принцем романа». Но со временем выработал свою манеру изложения, отличительной чертой которой, наряду с захватывающими приключениями, являлись красивые описания природы, обстановки, интерьеров, где происходило действие. Поэтому его издатель привлекал к работе лучших иллюстраторов, и книги Стивенса выходили яркими и красочными. Возможно, еще и поэтому автор был причислен к разряду писателей «книг для юношества». Самые известные романы Стивенса: «Враг короля», «Яркое лицо опасности», «Континентальный драгунский», «Филипп Уинвуд». События романа «Тайна королевы Елизаветы», публикуемого в этом томе, происходят в Англии начала XVII в., во времена Шекспира. Поэтому и сам великий драматург, и актеры его театра, наряду с главным действующим лицом – английской королевой, являются героями этого романа, в котором вымысел сочетается с подлинными историческими фактами.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7США)

ISBN 978-5-486-03982-9

© Стивенс Р. Н., 1899

© Алгоритм, 1899

Содержание

I. Первое представление «Гамлета»	7
II. В тавернах	15
III. Королева и женщина	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Роберт Стивенс

Тайна королевы Елизаветы

© ООО ТД «Издательство Мир книги», 2011

© ООО «РИЦ Литература», 2011

* * *

I. Первое представление «Гамлета»

В три часа пополудни, в холодный мартовский день, в понедельник, на маленькой башенке огромного деревянного здания, расположенного на берегу Темзы немного западнее Лондонского моста, взвился красный флаг и раздался звук трубы. Это огромное здание имело круглую форму, и большая часть его была даже без крыши; построено оно было отчасти на кирпичном, отчасти на каменном фундаменте. Это был знаменитый, так называемый «Круглый» театр (Globe theatre); красный флаг и трубный звук обозначали, что «слуги обер-гофмейстера» сейчас начнут представление. В этот день, как гласила афиша на дверях, должна была идти «Трагическая история Гамлета, принца датского», написанная Вильямом Шекспиром. Лондонские жители хорошо знали, что этот «Вильям Шекспир» – один из вышеупомянутых «слуг обер-гофмейстера» и написал уже несколько пьес, разыгранных этими «слугами». Многие из прочитавших афишу сразу угадали, что «трагическая история», вероятно, заимствовала свой сюжет из пьесы какого-нибудь старинного автора и что она уже не впервые появляется на сцене.

Шумная аудитория всевозможных возрастов и сословий, в фуфайках, штанах, в брыжах и в плащах, в шляпах с перьями и в простых шапках нетерпеливо ждала, чтобы раздвинулась наконец потертая занавесь, отделявшая сцену от зрительного зала, похожего на огромный, круглый амбар. Вдоль стен этого театра шли деревянные галереи, а под ними возвышалась площадка, разделенная на ложи, называвшиеся «комнатами» и украшенные спереди цветною материей. Сцена и комната актеров были покрыты соломенной крышей, а деревянные галереи заменяли крышу ложам.

Самая внутренность театра, имевшая форму буквы «О» и называвшаяся «двором», была вся заполнена почтенными гражданами, учеными, судьями и адвокатами в черных одеждах, здоровенными солдатами, всевозможным другим народом самых различных профессий или совсем без профессий. Все они говорили, смеялись, покупали фрукты, пиво и вино от бесчисленных продавцов, сновавших повсюду, и над их головами не было никакой крыши, кроме голубого неба. Здесь не было ни сидений, ни пола под ногами, все стояли прямо на земле.

Толпа в этом так называемом «дворе» ждала начала представления с нетерпением. Разодетая же в бархат и шелк, знатная публика сидела в своих ложах и лениво посматривала на более интересную публику в галереях, причем имела скучающий, разочарованный вид. Наиболее солидные граждане в галереях и во дворе, очевидно, пришли сюда, чтобы за шесть или восемь пенсов получить то удовольствие, на которое они могли рассчитывать за свои деньги. В самой верхней галерее собрались мальчишки, поедавшие яблоки и грызшие орехи; они боролись между собою и рады были смеяться своим собственным шуткам так же, как и тому, что происходило на сцене. Во дворе виднелась группа разодетых женщин известного пошиба, они курили, как мужчины, и отстаивали, как могли, свои места от других. Две или три дамы, мало заботившиеся об общественном мнении и презиравшие его, сидели открыто в ложах, но в масках.

Время от времени, до начала представления, появлялся какой-нибудь молодой аристократ, надушенный, украшенный перьями и драгоценными камнями, вооруженный шпагой с золотой рукояткой и вложенной в бархатные ножны; он, высокомерно и презрительно поглядывая кругом, проходил в «комнату» лордов, то есть в главную ложу, выходящую к сцене, или же отправлялся прямо на сцену, покрытую циновкой, и садился там на треножный стул, который он приносил сам, или ему подавал его паж, получивший этот стул у театрального служителя за шесть пенсов. Там, на таких же стульях, по бокам сцены, восседали другие такие же аристократы; некоторые из них разговаривали между собою, другие играли в карты; отсюда

ясно можно было слышать, как актеры смеялись и болтали в актерской, делая последние приготовления к началу представления.

Один из франтов, восседавших на стульях около сцены, зажег свою трубку и сказал, обращаясь к другому и слегка пришепывая:

– Много пройдет еще времени, прежде чем лорд Саутгемптон явится сюда посмотреть на своего друга Вильяма.

Саутгемптон в это время сидел в Тауэре (в крепости), так как он был замешан в заговоре, душою которого был герцог Эссекский, окончивший свою жизнь на плахе в феврале; теперь судили его сообщников.

– Может быть, и мы все не скоро опять увидим игру Вильяма после этой недели, – ответил его собеседник, щекоча ухо тростником третьего лорда. – Разве вы не знаете, что актерам обер-гофмейстера приказано теперь отправляться играть в провинцию за то, что они играли «Ричарда II» в присутствии приверженцев герцога Эссекского, когда те замыслили свой заговор?

– Дело в том, что я был погружен с головой в любовь к одной прелестной даме в Блек-фиаре в продолжение целого месяца, и поэтому я ничего не знаю о том, что происходило здесь за последнее время.

– Происходило то, что я вам сейчас говорил, и вот потому-то у нас за две последние недели было столько новых пьес и между ними две пьесы, написанные Вильямом Шекспиром. Актеры должны иметь в запасе несколько новых пьес для провинции, особенно для университетских городов. Ведь эти актеры были, собственно говоря, в большой дружбе с эссекскими заговорщиками; счастье их, что у них при дворе много других друзей, вроде Уот-Ралея, иначе они тоже очутились бы в Тауэре вместо провинции.

Первый франт, поглядывая на черную занавесь, закрывавшую часть сцены, сказал сквозь зубы:

– Вильям Шекспир должен быть сегодня в надлежащем расположении духа, чтобы разыгрывать свою трагическую историю: друг его Саутгемптон в тюрьме, Эссекс казнен, сам он высылается из столицы. Удивляюсь только, как такой сердечный человек, как Шекспир, этот джентльмен в полном смысле слова, может находить удовольствие в подобной компании, как он вообще может быть актером и в состоянии писать пьесы для увеселения этой вонючей черни.

Каковы бы ни были воззрения самого Шекспира на этот счет, в данную минуту у него были другие заботы в голове. В пустой актерской, закрытой занавеской со стороны сцены, он ходил от одного актера к другому; многие из них не были еще совсем одеты, другие уже надели парики и наклеили фальшивые бороды, иные успели загримироваться и ходили взад и вперед, повторяя про себя свою роль с озабоченным видом. Шекспир успокаивал всех и, казалось, волновался меньше всех присутствующих. Он уже отчасти облачился в свое одеяние духа отца Гамлета, и только его волнистые волосы, слегка рыжеватые, как и его заостренная клином борода, еще не были спрятаны под шлем, который он должен был потом надеть. Его добрые карие глаза быстро и осторожно оглядывали всех актеров, и когда он убедился, что актеры для первой сцены уже совершенно готовы и другие тоже скоро будут одеты, он подал наконец знак поднять флаг и затрубить в трубы.

При виде этого флага последние запоздавшие в театр ускорили шаги, чтобы поспеть вовремя. Многие аристократы подъезжали на лодках прямо из своих роскошных дворцов, расположенных на набережной, ехали также верхом на лошадях или в колясках, или же переплывали Темзу на яликах; простые граждане, адвокаты, солдаты, матросы и простой народ стекались со всех сторон на парамах или пешком от Лондонского моста и из ближайшего соседства. При звуке трубы публика в театре громко воскликнула: «А-а!»; слышались и другие восклицания в этом же роде. Все актеры высыпали из актерской, некоторые подошли к самой зана-

веси, другие остановились недалеко от нее, сейчас должно было начаться первое представление «Гамлета», обессмертившего потом имя своего автора – Шекспира.

В актерской, где оставалось всего только несколько человек, ожидавших реплики, вызывавшей их на сцену, ясно было слышно все, что говорилось на сцене, а также слышны были комментарии и громкие замечания публики во «дворе» и напыщенный смех аристократов, смеявшихся над собственными шутками. В узкие высокие окна врывается холодный бледный свет мартовского дня и падает прямо на лицо молодого стройного актера, усы которого были так хорошо прикреплены, что их нетрудно было принять за настоящие; в те времена, когда вообще было в моде красить волосы, настоящие бороды и усы часто казались фальшивыми. Волосы молодого человека были чудного каштанового цвета, но это был их естественный цвет. Его голубые глаза и довольно резкие черты лица придавали ему отчасти добрый, отчасти горделивый вид; он старался стоять спокойно, чтобы ни одним движением не выдать беспокойства, с недавнего его, как это всегда бывает с главными актерами, когда они впервые выступают в новой пьесе.

В это время к нему подошел вдруг юноша в женской одежде – в длинном платье с пышными рукавами, фижмами и на высоких каблуках; он шел медленно и плавно, как подобает грациозной девушке, которую он играл, или же подпрыгивал и скакал, как мальчик, каковым он и был на самом деле. Он весело заметил:

– Смелее, Гель, не делай такой похоронной мины, у тебя, кажется, ноги дрожат больше, чем у самого Шекспира, между тем пьесу-то написал он, а посмотри-ка на него: вот он надел свой шлем и идет играть духа так же спокойно, как будто надел шапку, чтобы идти в таверну выпить стакан пива.

Гель сначала хотел было принять обиженный вид, но, поняв вовремя, что умница мальчик, игравший Офелию, видит его насквозь, тяжело вздохнул и сказал:

– Ведь мне впервые приходится играть такую ответственную роль. Мне кажется, что меня поднимут на смех сегодня, уж лучше бы отдали Лаэрта Джилю Грове, в конце концов.

– Вздор, Мерриот, если ты будешь так трусить, то никогда не сможешь играть ответственные роли. А между тем ведь в таверне ты первый затеваешь драку, ты не из трусливых. Посмотри-ка на Борбеджа – он забыл себя, нас, весь мир и воображает, что он на самом деле – Гамлет!

Гель Мерриот, зная наперед то, что увидит, посмотрел все же на Борбеджа, шагавшего как бы в глубоком раздумье около входа на сцену. Невысокого роста, красивый человек, он поражал своим сосредоточенным видом и величественной осанкой; он был спокоен, как и сам Шекспир, но в то время, как последний думал обо всем, кроме своей роли, Борбедж, напротив, только и думал о ней, как будто он действительно стал Гамлетом с той минуты, как облачился в его одеяние.

– На что это вы так загляделись, Джиль Грове? – спросил вдруг Гель Мерриот другого актера, смотревшего на него с насмешливой улыбкой, как будто он догадывался о внутреннем беспокойстве дебютанта. – Право, я бы советовал вам оставить в покое других людей и заняться своим делом. Вы бы лучше оставались сапожником, чем идти в актеры.

– Конечно, – ответил Грове, одетый в костюм Розенкранца, – я гораздо менее отрицаю то, что был сапожником – что совершенно верно, – чем некоторые, кто кричит о том, что они дворяне, в чем можно еще сомневаться.

Глаза Мерриота гневно сверкнули, но раньше чем он успел что-нибудь ответить, в разговор вмешался другой актер, в богатом платье с фальшивой седой бородой.

– Послушайте, Грове, – сказал он, – вы несправедливы к этому молодому человеку. Разве он когда-нибудь хвастался своим происхождением? Оставьте его в покое. Вы, кажется, опять слишком часто прикладывались к бочонку с пивом.

– Дело в том, – воскликнул юноша, игравший Офелию и стоявший, красиво подбоченившись, – Грове рассчитывал, что будет играть роль Лаэрта, а Шекспир отдал эту роль Гелю, и поэтому последний только хвастает, что он – дворянин.

– Ах ты, дерзкий мальчишка! – крикнул Грове. – Если бы я не боялся испортить твоего грима, я бы научил тебя разговаривать со старшими. Я бы мог играть Лаэрта, но этот...

Он запнулся, но седобородый актер, игравший Полония, закончил за него:

– Но этот молодой человек получил роль, потому что рассчитывать на вас невозможно: вы могли напиться так, что не были бы в состоянии играть.

– Что касается этого, – подхватил Грове, – то вот этот господин засидится в таверне, наверное, позже меня и будет кричать громче меня до самого рассвета.

Мерриот ничего не ответил на последнюю дерзость. Грове тоже молча отошел в другой угол комнаты. Полоний перешел к другой группе актеров, а Офелия отправилась смотреть, как надевают роскошное платье на актера, которому предстояло играть роль Озрика. Предоставленный теперь своим думам, Лаэрт задумчиво крутил свои фальшивые усы и обдумывал дерзости, которые наговорил ему бывший сапожник. И чем больше он думал об этом и чем больше сознавал, что не нашелся, что ответить ему на это, тем в большую ярость он приходил. Гнев его, однако, послужил прекрасным средством от того беспокойства, которое только что волновало его. Он так глубоко задумался над всем этим, что даже не следил за тем, что происходило на сцене, и поэтому невольно вздрогнул, когда вдруг Шекспир схватил его за левый рукав и повлек ко входу на сцену, говоря:

– Что с тобой, Гарри? Тебя ведь ждут на сцене!

Будто проснувшись от сна и видя, что Борбедж и другие уже на сцене, он бросился тоже туда и так внезапно очутился вдруг перед королем Клавдием и Борбеджем, что последний с негодованием взглянул на него, чем еще больше увеличил его смущение. Бедный Гель стоял неподвижно, уставившись взглядом на вывешенный плакат, на котором значилось, что сцена изображает комнату во дворце Эльсинор. Публика волновалась и перешептывалась во время длинного монолога короля. Гель вообразил, что смущение его замечено в театре, и так перепугался, что сделал шаг назад и наступил прямо на ногу одному из аристократов, толпившихся тут же на сцене; тот сердито вскрикнул. Чувствуя, что надо что-нибудь предпринять, чтобы наконец овладеть собою, Гель вспомнил, что, рассердившись на Грове, он забыл всякий страх, и поэтому опять постарался возобновить в своей памяти сцену, происшедшую в актерской. Он так глубоко задумался, что чуть не подскочил от испуга, когда вдруг заметил, что на сцене водворилось глубокое молчание, и увидел, что все актеры с удивлением смотрели на него.

– Что тебе надо, Лаэрт? – уже в третий раз спрашивал его король.

Гель, видя, что его спрашивают уже не в первый раз, открыл рот, чтобы ответить, и тут только заметил, что совершенно забыл первые слова своей роли. Страшно смущенный, он невольно взглянул на дверь, ведущую за кулисы, и встретился с глазами Шекспира, стоявшего так, чтобы видеть оттуда все, что происходит на сцене. Скорее удивленный, чем негодующий, он прошептал ему вполголоса первые слова его роли, и Гель, точно воскресший из мертвых, сразу пришел в себя и начал свой монолог. Публика, молчавшая только при самом начале действия и при появлении духа отца Гамлета, опять заволновалась и стала разговаривать довольно громко, до тех пор, пока наконец не заговорил сам принц Гамлет.

Когда Гель вышел опять за кулисы вместе с королем и придворными, он тотчас же подошел к Шекспиру и извинился перед ним за свою рассеянность; тот спокойно ответил ему:

– Вздор, Гель, с кем из нас этого не случалось в свое время?

Насмешливая улыбка Грове, конечно, не способствовала успокоению Геля, пока он стоял за кулисами, ожидая своего выхода.

Он горько упрекал себя за то, что чуть не испортил всей пьесы Шекспира, своего благодетеля, который доверил ему ответственную роль Лаэрта. Глубоко опечаленный, он вернулся затем на сцену вместе с Офелией и Полонием.

Сцена эта прошла так хорошо, что Гель совсем было приободрился, но в ту минуту, как он говорил свои последние слова, обращаясь к Полонию, он совершенно нечаянно взглянул через целый ряд голов на ложи и там увидел личико, заставившее его широко раскрыть глаза от удивления и остаться стоять с открытым ртом.

Личико это принадлежало, конечно, женщине, он никогда не видал его раньше, иначе бы он сразу узнал его. Он и теперь бы не увидал его, но молодая девушка сняла маску, под которой ей стало, вероятно, слишком душно. Она, по-видимому, совсем не беспокоилась о том, что могут подумать, увидев ее без маски в театре. Личико ее поражало гордым и энергичным выражением, казалось, что под прелестным женским обликом скрывается огненный гордый характер юноши. Волосы и глаза у нее были темные, кожа поражала своею белизною и свежестью, лоб был невысокий, подбородок твердый и энергичный, но в то же время очаровательного очертания. Одним словом, это была форменная красавица, иначе, конечно, Мерриот не был бы так поражен при виде ее. Подбородок ее утопал в батистовых брыжах, платье было из темной материи с бархатными полосами и тесно облегло ее стройную изящную фигурку. Рукава с разрезами, но в то же время очень пышные, не скрывали дивных форм ее рук; на вид ей можно было дать не более двадцати двух лет.

Рядом с этим дивным созданием сидел пожилой, роскошно одетый господин, крепко уснувший на своем стуле, а дальше в ложе виднелась еще дама в маске, она откинулась как можно дальше назад, чтобы ее не видели. Во дворе, около самой ложи, стоял стройный смуглый юноша в зеленом платье, которое носили обыкновенно пажи великосветских дам.

Конечно, всех этих подробностей Лаэрт не мог заметить сразу, он видел только девушку и был так поражен ее красотой, что последние слова произнес таким равнодушным голосом, что ближайшие зрители расхохотались: настолько был велик контраст между этим тоном и тем пылом, с которым он только что говорил. Полоний и Офелия, удивленные этим резким переходом, невольно тоже посмотрели в ту сторону, куда смотрел Лаэрт. Он в эту минуту с большим чувством произнес «прощай», относившееся по ходу действия к Офелии, но на самом деле он сказал это слово, обращаясь к прелестной незнакомке. Он с такой неохотой покидал сцену, что Полоний, которому теперь предстояло говорить в отсутствие Лаэрта, сердито крикнул ему вполголоса: «Убирайся к черту!» – что заставило покатиться со смеху сидевших около сцены щеголей.

При виде Шекспира, говорившего о чем-то с Горацио около входа на сцену, Мерриот почувствовал опять угрызения совести, но ненадолго; воспоминание о чудном видении в ложе затмило собой все, он даже забыл о своей ссоре с Грове. Гель охотно бы пошел теперь на балкон, находившийся на заднем плане сцены, куда обыкновенно уходили все актеры, не занятые в пьесе, откуда он мог бы прекрасно видеть даму, пленившую его сердце, но как раз сегодня этот балкон должен был служить площадкой около замка, где сходятся Гамлет и дух его отца.

Услужливое воображение рисовало уже Гелю счастливую перспективу, будто красавица эта тоже влюбилась в него, и он совершенно не следил за тем, что происходило на сцене, пока наконец не раздался торжественный голос духа Шекспира, говорившего на сцене и водворившего сразу молчание в зрительном зале с первых же своих слов.

Во втором акте Гель должен был переменить платье и играть роль одного из придворных на сцене. Как только он вышел из-за кулис, он первым долгом взглянул на свою красавицу, но, увы, она снова надела черную бархатную маску.

Вернувшись в актерскую, он должен был приклеить себе теперь седую бороду, чтобы изображать престарелого царедворца в сцене, где давалось театральное представление, устроенное Гамлетом. Важно выступая в свите короля под звуки труб и барабанов, он снова увидел,

что красавица его все еще в маске. Но на этот раз не мог смотреть на нее, так как он должен был смотреть то на короля и королеву, то на мимических актеров.

Когда окончилась эта сцена и актеры снова очутились за кулисами, они невольно стали обмениваться впечатлениями. Один заметил:

– Публике, по-видимому, понравилось наше представление; как она кричала, когда король бросился бежать в ужасе!

– Ну, шум еще ничего не значит, – возразил другой, – гораздо важнее то, что все они притихли и слушали почти всю сцену молча; когда играли «Гамлета» Тома Кида, наверное, этого не было.

– Посмотрим, удастся ли еще конец, – заметил тихо Шекспир, но на лице его играла довольная улыбка.

Гель Мерриот нацепил опять усы и облекся в одежду Лаэрта с твердым намерением со своей стороны тоже способствовать успеху пьесы. Следующая за тем сцена, где он должен был потребовать от короля удовлетворения за смерть отца, узнать о том, что сестра его сошла с ума, эта сцена должна была дать ему возможность доказать Шекспиру, что он не ошибся, выбрав его для такой ответственной роли; она должна была послужить первым шагом к блестящей карьере, которая дала бы ему возможность встать на одну доску с богатой аристократкой. Может быть, она принадлежала к числу тех, которые пользовались привилегией присутствовать на рождественских придворных представлениях. Если бы ему удалось заслужить ее внимание в первый же раз, как актеры обер-гофмейстера будут играть при дворе, и составить себе такое же состояние, как Аллейн и другие актеры, он смело может рассчитывать на то, что станет равным ей по богатству и происхождению. Все это промелькнуло в его голове как молния, со свойственной юношам беспечностью.

Он стоял, погруженный в раздумье, в углу актерской и, подобно Борбеджу, старался сосредоточиться на своей роли, отгоняя актеров, подходивших к нему поболтать. Везде раздавались шутки и смех, слышались разговоры, все сидели на столах, стульях и креслах и даже на шкафах, так как все это было приготовлено для предстоящей сцены; в те времена в театре употреблялись не только костюмы и грим, но также декорации и обстановка. Наконец настала минута выхода на сцену. Гель был совершенно готов и вошел в свою роль: когда он услышал реплику, вызывавшую его на сцену, он быстро выскочил из-за кулис и с таким жаром воскликнул «Где король?», что публика примолкла, и даже все сидевшие около сцены франты на минуту прекратили разговор.

Приказав своим датчанам отойти немного назад, Гель снова обернулся к королю и бросил быстрый взгляд по направлению к интересовавшей его ложе: она была пуста. Ему показалось, что пол уходит у него из-под ног, в ту же секунду интонация голоса его совершенно изменилась, и он снова монотонно и машинально продолжал монолог, обращенный к королю. Он все еще время от времени посматривал на пустую ложу, чтобы убедиться, что глаза не обманывают его, но там не было больше ни его красавицы, ни другой дамы в маске, ни спящего мужчины, ни пажа в зеленом платье. Гелю показалось, что в театре вдруг стало темно, хотя по-прежнему свет лился в окна.

Почти совершенно не понимая, что он делает, Гель кое-как окончил эту сцену и другую, следующую за ней, очень длинную и неинтересную. Он вышел, как в тумане, в актерскую и сел на стул в глубоком раздумье. «Разве жизнь утратила для тебя всякую прелесть?» – послышался вдруг голос Шекспира, верно угадавшего настроение своего протеже. Он говорил это полунасмешливо-полусовершенно. При этих словах Гель почувствовал раскаяние при мысли о том, как он обманул доверие своего патрона и почти провалил его пьесу. И поэтому ответил ему невпопад:

– Простите меня, я постараюсь исправиться в последнем акте.

И он встал с места с твердым намерением действительно взять себя в руки. Ведь, может быть, та девушка и ее спутники только перешли в другую ложу или же ушли на время и снова затем вернутся в театр. К тому же с его стороны было очень глупо пренебрегать единственным средством когда-либо сравняться с ней в смысле богатства, и надо было принять во внимание и злорадство, светившееся в лице Джильберта Грове.

Теперь ему предстояла сцена встречи с Гамлетом на кладбище. Стараясь уверить себя, что очаровавшая его девушка смотрит из какого-то неизвестного ему места, он играл с таким жаром, что когда вышел за кулисы после этой сцены, сам Борбедж приветствовал его восклицанием:

– Прекрасно сыграно, сэр!

– Недурно сыграно, – подтвердил и Полоний, а Офелия, скинувшая свое женское платье и оставшаяся в мужской куртке, воскликнула с торжеством:

– Посмотрите, какое кислое выражение лица у Джильберта!

Но Мерриот был настолько благороден, что не стал радоваться унижению своего врага, а обрадовался тому, что Шекспир самолично поблагодарил его за игру. Он отошел немного в сторону и стал упражняться со своей рапирой, приготавливаясь к сцене поединка.

Отчасти благодаря именно его умению обращаться с рапирой, Шекспир и поручил ему играть роль Лаэрта; будучи сам дворянин от рождения, Гель прекрасно владел этим благородным оружием, заменившим везде мечи и щиты. Будучи еще в Оксфорде, при жизни своих родителей, когда процесс, затеянный Беркширской отраслью его фамилии, еще не лишил его крова и не заставил бежать в Лондон, чтобы найти какие-нибудь средства к существованию, он каждый день упражнялся в фехтовании под руководством всевозможных учителей. В Лондоне он научился в этом отношении всему, что могли ему дать нового французы в изгнании, воевавшие когда-то во Фландрии и в Испании. В искусстве владеть рапирой он не знал себе соперников, и хотя в сцене поединка в «Гамлете» все движения были заранее заучены, все же требовалось немало умения и искусства, чтобы выполнить их безукоризненно. В те времена, когда почти каждый человек умел владеть тем или другим оружием, поединок сам по себе имел для всех огромный интерес.

Публика была настроена очень нервно, напряжение ее дошло до высшей степени, как и должно быть всегда в пятом акте, перед концом пьесы. Все мужчины: солдаты, ученые, приказчики, лорды, принимали живое участие в происходившем на сцене поединке и поощряли сражавшихся восклицаниями и советами. Симпатии зрителей были, конечно, на стороне Гамлета, но для всех было ясно, что Лаэрт несравненно лучше владеет оружием и только по необходимости оставляет победу за ним. Благородная манера, с которой Лаэрт признал себя побежденным, положительно наэлектризовала публику и расположила ее в пользу этого актера. Во время поединка, когда Лаэрт сделал движение, долженствовавшее на самом деле обязательно ранить Гамлета, из публики вдруг раздался громкий голос:

– Я знал, что удар этот будет нанесен, Мерриот! Это я, Кит Боттль!

Когда Лаэрт наконец сознался в измене и просил прощения у Гамлета, все положительно было на стороне Геля: так хорошо он фехтовал и с таким жаром играл свою роль. Когда спектакль кончился, он был настроен так же радостно, как и все остальные актеры, обменивавшиеся оживленными замечаниями и спешившие переменить свои богатые одежды на обычный костюм.

– Пойдем с нами к «Соколу» выпить бокала два пива, а затем в «Морскую деву» поужинать, – сказал Шекспир Гелю, когда, спустя несколько времени после окончания спектакля, тот вышел из театра в довольно поношенном платье коричневого шелка и бархата. Шекспира сопровождали Геминдж, Слай, Конделль и Флетчер, который был директором этой труппы. Все шестеро быстро направились через поле в таверну, кутаясь в свои короткие плащи, защищавшие их от ветра. Таверна «Сокол» лежала на западном берегу и отделялась от реки только

небольшим садиком; когда актеры подошли к ней, из дверей ее вышла группа аристократов, направлявшихся к лодке, чтобы переехать в другую часть города.

– Подождите немного, – быстро заметил Флетчер, – может быть, нам удастся услышать отзыв о сегодняшней пьесе. Лорд Эджбюри – лучший знаток в этом деле во всей Англии.

Актеры отошли немного в сторону и сделали вид, будто читают афишу.

– Конечно, пьеса захватывает внимание, – говорил лорд Эджбюри своим спутникам, – но в общем это – чепуха. Может быть, пьеса продержится неделю, так как заключает в себе аллегорию на современные темы, но не дольше, будущности она не имеет.

– Большое спасибо и за это, – тихо заметил Слай своим товарищам, – все же он оказался щедрее Грове: тот дал всего три дня, этот дает неделю. Плюнем на всех этих пророков и зайдем в таверну.

Лорд Эджбюри и Джиль Грове, вы живы и до сих пор! На всяком первом представлении всегда находятся подобные вам, но на этот раз вы немножко ошиблись: вместо трех дней или недели вам следовало сказать, по крайней мере, триста лет, если не более; конечно, это немного в сравнении с вечностью, но для человеческой жизни вполне достаточно.

II. В тавернах

Чтобы не останавливаться впоследствии на отдельных описаниях господствовавших тогда мод, существовавших тогда улиц, домов, общего вида всего общества и тому подобных вещей, мы скажем здесь вкратце, что дело происходило в 1601 году, на сорок втором году царствования Елизаветы, и положение дел было следующее. Англия находилась в первом периоде небывалого в мире возрождения; неизвестные до сих пор комфорт и роскошь, новые мысли, новые способы удовольствий положительно придали всем англичанам какую-то лихорадочную страсть жить как можно веселее; мужчины носили бороды самых разнообразных фасонов, блестящие куртки и шелковые штаны до колен, брыжи, бархатные плащи, украшенные кружевами, и шляпы с перьями; женщины носили высокие узкие корсажи и пышные рукава, платья спереди с разрезами, чтобы видны были нижние юбки; многие женщины красились и носили фальшивые волосы; одежды как мужчин, так и женщин сверкали драгоценными камнями, серебром и золотом; лондонцы в те времена считались наиболее богато одетыми людьми во всем мире. Дома в Лондоне были деревянные, но оштукатуренные и с разными шпичами; построены они были таким образом, что верхние этажи выступали вперед и затемняли нижние, а также и узкие длинные улицы; разодетая публика на этих улицах разнообразилась бесчисленным множеством иностранцев, стекавшихся сюда со всех сторон; кареты, хотя и недавно введенные в употребление, изобиловали на улицах наравне с телегами и повозками; серые церкви и разоренные монастыри, епископские дворцы и дома дворян с различными украшениями и башнями встречались повсюду в самом городе и его окрестностях; католики иногда подвергались такому же преследованию, как когда-то преследовали протестантов; было там и множество гордых, могущественных лордов, но теперь все они стекались в Лондон и жили в великолепных дворцах на набережной или в окрестностях, вместо того чтобы ютиться в своих отдаленных замках, как было раньше; драчливые работники в шерстяных шапочках и кожаных куртках так же легко воспринимали всякую мнимую или настоящую обиду, как и их господа; первые расплачивались за них ножами, вторые употребляли для этого рапиры с золотыми или серебряными рукоятками; все таверны кишели бородатыми солдатами, побывавшими во Фландрии и в Испании и изошрявшимися в разного рода ругательствах; находилось множество охотников послушать разные хвастливые рассказы моряков, побывавших под командою Дрейка или Ралея у испанских берегов; табак в то время только входил в употребление, но курение прививалось быстро и сильно афишировалось; все сословия верили еще в духов и ведьм, и находилось только несколько «атеистов», вроде Кита Марло и Вальтера Ралея, не веривших в них; не укрошенная еще Англия продолжала веселиться, по-прежнему устраивая народные спектакли и празднества, танцуя прежние веселые народные танцы, хотя пуританизм уже начинал кое-где ясно оказывать свое влияние, и, наконец, последняя новость: только что совершившаяся казнь беспокойного герцога Эссекского и знаменитый процесс против его единомышленников, заключенных по тюрьмам.

Прежде чем войти в таверну «Сокол», Мерриот еще раз быстро оглянулся кругом, как бы надеясь увидеть где-нибудь очаровавшую его красавицу, которая, может быть, еще находилась поблизости. Но публика, переполнявшая театр, разбрелась уже во все стороны, и здесь, на берегу Темзы, виднелись только женщины, стоявшие гораздо ниже ее по общественному положению. Гель вздохнул и последовал за своими спутниками в таверну.

Они прошли через общий зал, чтобы попасть в комнату, где могли сидеть одни, без посторонних; вдруг к ним подошел высокого роста человек с черной бородой, с грубыми и резкими чертами лица, средних лет, одетый в старую засаленную куртку красного цвета и коричневые бархатные штаны до колен, с жалкими остатками широкополой шляпы на голове, с длинным мечом и кинжалом, висевшими у него за поясом. Башмаки его были в таком состоянии, что

почти не заслуживали больше этого названия, а шерстяной коричневый плащ имел вид оборванной тряпки. Лицо его было пасмурно и задумчиво, но, как только он увидел актеров, сразу же напустил на себя вид развязного человека, которому очень везет в жизни.

– Актеры идут сюда, милорд, – произнес он напыщенно слова, цитируемые из пьесы. – Недурная трагедия, мистер Шекспир, очень недурная! Прямо даже превосходная!

– Несмотря на то, что ты сделал все со своей стороны, чтобы испортить ее, крикнув на весь театр во время поединка, Кит Боттль, – заметил Виль Слай.

– Капитан Боттль, прошу вас это помнить, милостивый государь, – ответил ему Боттль, принимая важный вид, – так, по крайней мере, меня звали в то время, как я унес с поля сражения сэра Филиппа Сиднея и вел свою команду за лордом Эссексом при Кадиксе.

– Как же ты поживаешь, капитан Кит? – спросил Шекспир, и в голосе его прозвучала грустная нотка.

– Прекрасно, как всегда, – ответил Кит, – марширую вот под эту музыку.

Он вынул кошель и потряс им в воздухе, чтобы заставить зазвенеть монеты.

Пропустив вперед всех актеров, Кит дернул за рукав Мерриота, проходившего последним. Когда они очутились вдвоем в отдаленном углу комнаты, Боттль сразу изменил тон и сказал:

– Нет ли у тебя лишнего шиллинга или двух, только до завтрашнего дня, клянусь тебе в этом. Я знаю, что получу сегодня деньги. Мне нужно только иметь шиллинг или два, чтобы начать игру в кости. Я знаю, что сегодня мое счастье, мне чертовски везет. Видишь ли, в чем дело, юноша, я не могу солгать тебе, а обстоятельства мои плохи: я не ел со вчерашнего дня.

– Но что же у тебя звенело в кошельке? – спросил с удивлением Гель.

– Это другое дело. Неужели ты думаешь, не в обиду тебе будь сказано, что я выкажу свою бедность перед актерами? – Говоря это, старый воин открыл свой кошель и показал несколько медных колечек от старой цепочки. – Когда у тебя нет ни одной монеты, пусть они звенят как можно громче у тебя в кармане: это полезно во многих отношениях, милый юноша.

– Но если тебе даже пообедать не на что, – сказал Гель, – каким образом ты попал в игорную комнату?

– Ах, это пустяки, – ответил, немного смутившись, Боттль. – Видишь ли, когда происходит борьба между телом и духом, победить должен всегда последний, ведь шестью пенсами я не мог удовлетворить и то и другое. Я долго колебался и думал, что лучше: съесть мяса и выпить пива или же посмотреть, не повезет ли мне в игре? Ты ведь знаешь Кита Боттля; хотя он участвовал в сражениях и перерезал немало испанских глоток, и хотя он любит и мясо и пиво, но потребности ума для него всего дороже.

Тронутый при мысли, что голодный воин пожертвовал последними шестью пенсами, только бы испробовать счастья в игре, Гель сейчас же полез в карман, достал все, что у него оставалось от жалованья за последнюю неделю, около пяти шиллингов, и отдал два шиллинга с половиной Боттлю, говоря:

– Я могу дать тебе только половину, Кит, остальные я должен отдать другому, у которого занимал как-то раньше.

– Нет, юноша, – воскликнул Кит, быстро оглядевшись кругом, чтобы убедиться, что никто из присутствующих не видит их сделки, – я вовсе не желаю тебя грабить, а возьму два шиллинга и ни одного пенса больше. У тебя золотое сердце, юноша, завтра я отдам тебе деньги, хотя бы для этого пришлось заложить свой меч. Завтра отдам, верь старому солдату Боттлю!

И, гордо выпрямившись, старый капитан, достигший своей цели, исчез из виду. Мерриот прошел в комнату, где сидели актеры. Бокал вина с Канарских островов уже стоял на столе и ждал его.

– Ну что, Гель? – воскликнул Слай. – Кажется, Боттль посвятил тебя в какую-то государственную тайну?

– Люблю я этого старого бродягу, – ответил Гель, избегая прямого ответа. – Ведь он, главным образом, и обучил меня фехтовальному искусству. Он в душе солдат, и, кроме того, в нем масса самолюбия, что очень отличает его от других бродяг.

– Мне кажется, дела его плохи, – заметил Флетчер, – несмотря на то, что он звенел своими монетами. Я видел сегодня, как он бродил вокруг театра, с завистью посматривая на сидящих в нем: он, казалось, стоял и ждал, не подойдет ли кто-нибудь из его друзей, чтобы заплатить за него за вход. Я позволил ему войти даром, вы бы видели, как он обрадовался.

– Я воображаю, наверное, лицо его сразу просветлело, – сказал Шекспир. – Вот если бы все так легко поддавались различным впечатлениям, как этот человек.

Гель улыбнулся при мысли, как ловко все же Боттль умеет пользоваться обстоятельствами и скрывать от других свои плохие денежные дела.

Когда Гель положил назад в карман последние три шиллинга, он вдруг нащупал в нем что-то мягкое; поспешно выдернув руку, он увидел, что это – седая борода, которую он приклеивал, когда играл престарелого лорда. Он вспомнил, что случайно поднял ее с пола и в рассеянности положил в карман, торопясь уйти из театра. Посмотрев на бороду, он сунул ее обратно в карман. После того как вино обошло три раза всех кругом, актеры встали и вышли из таверны, чтобы покинуть район театров и пивных и отправиться в город; они предпочли сделать это пешком, чем ехать на лодках от самой таверны.

Они прошли целый ряд таверн, частных домов, мимо дворца епископа Вестминстерского и наконец завернули в улицу, носившую название Длинная Южная дорога, потом повернули налево на Лондонский мост и пошли через него, причем им пришлось кричать, чтобы услышать друг друга, настолько силен был шум воды. До гостиницы «Морская Дева» было еще далеко, и поэтому Конделль предложил зайти еще куда-нибудь по дороге выпить бокал пива.

Войдя в первую встречную пивную, они вдруг наткнулись на капитана Боттля, сидевшего за столом. Визави сидел молодой человек в светлой атласной куртке, в красном бархатном плаще и с самым независимым и вызывающим видом. Оба они были заняты едой и игрой в кости в одно и то же время.

– Послушай, старый негодяй, ты, кажется, не можешь проглотить куска без того, чтобы не поиграть в кости?

– Это самая невинная игра, сэр, – заметил Кит, стараясь скрыть от своего товарища неудовольствие, отразившееся на его лице. – Ведь я играю без всякого риска, проигрываю каких-нибудь шесть пенсов, не больше.

И он продолжал игру, ясно выражая этим, что вовсе не желает, чтобы ему мешали.

– Да, это верно: капитан Боттль играет всегда без всякого риска, – сказал Конделль.

– Это значит, что я как-то обыграл его, – конфиденциальным шепотом заметил Боттль юноше, с которым играл. – Да, Конделль, я играю очень плохо, но все же обыграл вас несколько дней тому назад. Ну, ничего, скоро счастье вернется к вам, и вы в свою очередь опустошите мой карман. – И, обращаясь опять к своему товарищу, он добавил: – Подождите меня немного, я должен переговорить с этими господами.

Кит встал и, подойдя к актерам, собрал их всех в кружок и тихо сказал им:

– Послушайте, господа, не портите мне, пожалуйста, игры. К чему лишать денег того, кто нуждается в них? Этот глупец ведь положительно утопает в мешках с золотом, он начинен им. Он живет где-то в провинции, где считается первым богачом и щеголем, и приезжает в Лондон раз в год пожуировать и порастрясти здесь свой карман. Он два раза напьется до бесчувствия и затем наскандалит в тавернах, а потом возвращается к себе в провинцию и рассказывает целый год о своих подвигах здесь. Если я не возьму его денег, другой возьмет, может быть, похуже меня: его обдерут как липку и пустят чуть не голым домой.

– Хорошо, мы предоставим его тебе всецело, Кит, – сказал Шекспир, – делай с ним что хочешь, мы не станем рассказывать ему о твоих проделках. Пойдемте, господа. Эти напыщен-

ные провинциальные дураки должны платиться за свою глупость. Кит прав, он мог попасть в худшие руки.

Актеры прошли в другую комнату, только Гель остался позади и прошептал Киту на ухо:

– Я знал подобных господ еще до своего приезда в Лондон. Пощипли этого гуся, если сумеешь пустить в ход свои хитрости.

– Хитрости! – воскликнул Кит. – К чему употреблять это слово, придавая ему дурное значение? Ведь на войне допускается прибегать к хитростям? Мы пользуемся там всяким случаем, только бы навредить своему врагу. Игра – та же война, и поэтому всякие хитрости и предосторожности здесь тоже позволительны, а к тому же, если этот юноша со своей стороны тоже пустит в ход хитрости, ведь я не буду за это на него в претензии. Следовательно, об этом и говорить нечего.

Сказав это, Кит, не упоминая о двух шиллингах, занятых им у Геля, хотя он уже и успел выиграть их немалое количество у провинциального простака, вернулся к своему партнеру, а Гель отправился в другую комнату к актерам.

Запах пирога и душистый аромат жареной рыбы так соблазнили проголодавшихся актеров, что они готовы были остаться в этой таверне, чтобы заодно и поужинать здесь, но Шекспир напомнил им, что Борбедж ждет их в гостинице «Морская Дева». И поэтому, несколько времени спустя, они пошли дальше, значительно, однако, разгоряченные уже выпитым пивом, особенно Мерриот, который умудрился выпить больше, чем другие. Он стал вдруг сразу разговорчив и даже болтлив. Он говорил о только что сыгранной пьесе, о своей роли в ней и даже о прелестной девушке, которую видел в театре; он так много говорил о ней, что она как живая представилась его мысленному взору. Так они шли долго и наконец дошли до цели своего путешествия.

Актеры сразу прошли в приготовленную для них комнату; камин ярко топился, в комнате было тепло и светло, посреди стоял большой дубовый стол и вокруг него несколько кресел, скамеек и стульев. Обои на стенах были еще новые, так как изображенные на них сцены из испанской Армады произошли только лет двенадцать тому назад. Пока актеры рассаживались по местам, принесли еще зажженных свечей, и Геминдж отправился в кухню, чтобы заказать ужин, не по сезону (теперь была весна) и доступный только немногим избранным. Он заказал почечную часть быка, каплуна, различные соусы и драченное с яблоками, а для тех, кто не ел этого, немного рыбы. Актеры сильно проголодались после представления и вовсе не были расположены питаться исключительно рыбой, хотя это и был постный день. Хозяйка «Морской Девы» смотрела на это сквозь пальцы и не видела ничего дурного в том, что они поедят немного мясного. После утомительной и долгой прогулки по свежему воздуху все актеры единогласно потребовали подогретого хересу, и хозяин поспешил немедленно удовлетворить их требование.

– Времена изменились, – заметил Шекспир, вешая свой плащ, шляпу и короткую рапиру и садясь затем на стул с довольным видом, чтобы отдохнуть после тяжелого, утомительного дня. – Давно ли, бывало, нас всегда ждала здесь компания человек в двенадцать, чтобы весело отужинать с нами, когда мы возвращались после представления.

– Странно, что Ралей не показывается, – сказал Слай, стоя у камина и протягивая озябшие руки к огню.

– Странно было бы, наоборот, если бы он решился прийти сюда после того, как он так ясно выразил свою радость при казни герцога.

Говоривший эти слова Флетчер намекал на то, что Ралей смотрел из окна Тауэра на казнь своего соперника герцога Эссекского.

– Но, во всяком случае, – сказал Шекспир, – хотя Ралей и был во вражде с герцогом, с нами он был дружен. Я уверен, что он заступился за нас при дворе за инцидент, который с нами произошел теперь. Но в то время как одни наши друзья томятся в заключении, другие

держатся от нас подальше. Что касается нас, актеров, в нашей среде тоже возникли разные недоразумения и препирательства, и актеры враждуют теперь с писателями, и наоборот.

– Ты, вероятно, вспомнил о том, как прежде, бывало, наш смуглый Бен сидел с нами за этим столом? – спросил Слай.

– Да, и желал бы, чтобы он действительно сидел сейчас с нами. Он, наверное, сидит теперь в таверне «Злой Дух», там ему нечего бояться конкуренции с твоим остроумием, Виль.

– Да, нечего сказать, Бен Джонсон – действительно большой завистник, – воскликнул Лоренс Флетчер. – Я удивляюсь, Виль, что ты можешь еще вспоминать о нем. Когда ты предложил ему сыграть его пьесу в нашем театре, он поднял тебя на смех и осмеял в сатире, разыгранной потом в Блекфраерском театре. По-моему, плевать на него и его сатиры. – И, говоря это, Флетчер обратил все свое внимание на поданное ему жаркое.

– Нет, – возразил Шекспир, – его вообще не ценят по достоинству, и поэтому юмор его принял горький и обидный для других характер – так киснет иногда вино в открытой бутылке, когда его никто не хочет пить.

– Во всяком случае, – воскликнул Мерриот, который разгорячился еще более от слишком частого употребления горячего, подсахаренного хереса, – что касается меня, то я скорее согласился бы терпеть все муки ада, чем стать неблагодарным по отношению к тебе, Шекспир.

– Ах, глупости, я не оказывал никаких благодеяний ни тебе, ни Бену Джонсону.

– Вот как! – воскликнул Мерриот, отрезая своим перочинным ножом кусок мяса и отправляя его в рот (вилки стали употребляться только десять лет спустя). – Открыть дверь своего дома человеку, которого только что выбросили из пивной, накормить его, когда у него не было денег, дать ему приют у себя, когда он не имел права даже рассчитывать на него, – по-твоему, это не благодеяние?

– Неужели ты находился в подобном состоянии, когда Шекспир принял тебя в нашу компанию? – спросил с удивлением Флетчер.

– Да, если еще не в худшем. Разве Шекспир никогда не говорил вам об этом?

– Нет, он говорил только, что ты дворянин и хочешь сделаться актером. Расскажи нам об этом, пожалуйста.

– Да, конечно, расскажи, как это случилось, – воскликнули Геминдж и Конделль.

А Слай прибавил:

– Актеру сделаться дворянином на сцене немудрено, но дворянину стать актером – дело другое, этот вопрос давно уже интересовал меня.

– Хорошо, – сказал Гель, очень довольный, что может говорить теперь один за всех, – я расскажу вам, каким образом дворянин может сделаться еще кое-кем похуже, чем актером. Произошло это три года тому назад, в тысяча пятьсот девяносто восьмом году, когда я только что приехал в Лондон. Вы все, вероятно, уже слышали от меня, как я потерял все свои имения благодаря жестокости законов и моих родственников. Когда мой кузен получил в свои руки все мои владения, он был не прочь платить за меня, чтобы я мог посещать один из университетов, но я вовсе не желал сделаться бедным ученым, так как дома вырос в богатстве и довольстве, как и подобает сыну дворянина. Я знал только по латыни, умел играть на лютне, умел охотиться и прекрасно стрелял, а главным образом упражнялся в искусстве фехтования. Как раз в то время, когда для завершения образования я должен был отправиться в Италию, Германию и Францию, отец мой и мать умерли, и меня выгнали из родного дома, после чего, конечно, я не перестаю проклинать несправедливые суды и жестоких и коварных родственников. Я бросил моему кузену в лицо деньги, которые он предлагал мне, и сказал, что скорее пусть меня повесят, как вора, чем соглашусь хоть что либо принять от него. Все, чем я владел тогда, – это моя лошадь, одежда, бывшая на мне, рапира и кинжал, а также маленький кошелек с несколькими кронами. У меня во всем мире был только один друг, на которого я мог рассчитывать, и к нему-то я и отправился. Это был католик, отец которого когда-то спас моего деда, протестанта, во времена королевы

Марии, и я поехал к нему в надежде, что он не откажется оказать мне услугу и приютить меня. Хотя обычно он жил в Париже, но на этот раз был у себя дома в Гертфордшире, однако он ничего не мог сделать для меня, так как имение его было разорено, и он сам собирался перебраться в те страны, где католики могут считать себя в безопасности. Он дал мне письмо к лорду Эссекскому, который, как и мой отец, любил его, несмотря на то что он был католик. Когда я прочел это письмо, я вообразил, что участь моя обеспечена. Я ехал в Лондон с самыми радужными надеждами, в уверенности, что скоро займу высокий пост при помощи герцога. В день приезда в Лондон я так был поражен здешней роскошной жизнью, так увлекся всеми удовольствиями, которыми здесь можно пользоваться, что раньше, чем я успел добраться до герцога, кошелек мой оказался пуст, несмотря на то что в нем лежали только что полученные мною от продажи лошади деньги. Но я нисколько не беспокоился, я был уверен, что герцог сразу возьмет меня в дом, прочитав письмо своего друга. На следующее утро, когда я уже отправлялся в замок герцога, меня остановил какой-то малый в таверне и спросил, слышал ли я последние новости. На мой отрицательный ответ он рассказал мне, в чем дело. Герцог накануне поссорился с королевой, повернулся к ней спиной и положил руку на эфес своей шпаги, впрочем, вы ведь знаете это все, господа.

– Да, – ответил Слай, – королева за это отодрала его за уши, спор произошел из-за вопроса касательно Ирландии.

– Герцог впал в немилость, – продолжал Гель, – его готовы были обвинить в государственной измене. Я так мало смыслил в придворных делах, что решил, что мое письмо может только вовлечь меня в неприятности, и поэтому сжег его тут же в таверне и стал раздумывать, что мне делать. Я поселился в дешевых номерах, заложил свое оружие, потом плащ, наконец, и остальное платье, купив себе на время какие-то обноски на рынке. Я решил скорее умереть на улице, чем отправиться опять в Оксфордшир к моему кузену, и действительно, конец мой, казалось, был уже близок; однажды хозяин потребовал от меня денег за квартиру, я был пьян и выругал его, а он взял и вышвырнул меня на улицу, хорошенько поколотив предварительно. Я был так разбит, что едва двигался, но все же потащился дальше, пока не упал где-то без сил, и тогда-то Шекспир, возвращаясь поздно ночью из таверны, наткнулся на меня, так как я лежал посреди дороги. Я не знаю, что побудило его остановиться и внимательно осмотреть меня. Но, во всяком случае, он не только поднял меня, но и повел к себе на квартиру, а затем предложил мне поступить в его труппу, от чего, конечно, я не мог отказаться, так как иначе должен был умереть от голода на улице. Нечего и говорить о том, как я был ему благодарен за это предложение.

– По стонам, которые ты испускал, я сразу догадался, что ты – не простой бродяга, – заметил Шекспир.

Поздно вечером в «Морскую Деву» пришел и Борбедж; есть он не хотел, так как поужинал уже в другом месте, но выпить согласился с радостью. Вся комната теперь была наполнена табачным дымом, так как почти все актеры закурили свои трубки. Шекспир не курил.

Разговор перешел как-то на новую пьесу, и Геминдж сказал, обращаясь к Шекспиру:

– Ведь этот принц Гамлет жил, кажется, двести лет тому назад? Теперь он возродился к новой жизни благодаря нам, не правда ли, Шекспир?

– Да, многие покойные короли или герои обязаны своим возрождением нам, несчастным писателям и актерам.

– А между тем мы, несчастные актеры, воскрешающие мертвых, сами забываемся первыми. Кто еще будет помнить наши имена через триста лет?

– Почему же нет? – заметил Конделль. – Ведь если наши имена будут напечатаны в книгах, содержащих пьесы, которые мы играли, то наши имена точно так же сохранятся для потомства.

– Ну, в таких книгах, которые печатаются теперь, вряд ли долго сохранятся наши имена, – сказав Слай, сам иногда писавший пьесы.

– Я, со своей стороны, вовсе не желал бы, чтобы пьесы, которые я написал, существовали слишком долго, – сказал Шекспир.

– Но подумай, Шекспир, ведь если бы кто-нибудь взялся напечатать все пьесы, написанные тобою, и в начале книги выставил бы наши имена, то есть имена актеров, исполнявших эти пьесы, то в таком случае и мы сделались бы небезызвестными потомству.

Шекспир ответил на это:

– Жалкая участь предстояла бы моим пьесам и вашим именам, напечатанным во главе их: толстые запыленные фолианты лежали бы где-нибудь в пыли в лавке, где никто не стал бы покупать их.

– А я, со своей стороны, уверен в том, – заметил вдруг Геминдж, – что твои книги никогда бы не завалились в пыли, Шекспир, их стали бы читать всегда.

– Да, весьма возможно, что они не лежали бы в пыли, так как их употребили бы как оберточную бумагу, – смеясь ответил Шекспир. – Дик говорил, что книги могут сохраняться в продолжение трехсот лет, это верно, так как весьма древние книги сохранились до наших дней, но так как каждый век дает своих писателей, более умных и интересных, чем предыдущие, то кто же станет читать, скажем, в тысяча девятисотом году, например, сочинения какого-то Вильяма Шекспира, его пьесы или, например, его поэмы, которые он обработал, однако, более старательно даже, чем пьесы.

– Конечно, странно было бы, – заметил Борбедж, – если бы, например, актера помнили только потому, что он играл когда-то те или другие пьесы.

Он хотел прибавить то, что подумал только про себя, что пьесы Шекспира будут помнить скорее потому что в них некогда участвовал такой знаменитый актер, как Борбедж.

– Почему ты так молчалив, Гель Мерриот? – заметил Шекспир, обращаясь к своему юному другу и стараясь переменить разговор. – Ты смотришь на облако дыма от своей трубки, будто наблюдаешь в нем какие-то особенные видения?

– Да, конечно, я вижу в нем чудное видение, – оживленно заговорил Мерриот, очень довольный тем, что наконец-то он может высказаться. – Я жалею, что не обладаю твоим поэтическим талантом, иначе я описал бы его в стихах. Боже мой, какое лицо, глаза ее прожгли мою душу, купидон сыграл со мной плохую шутку.

– Ты разве успел влюбиться со вчерашнего дня? – спросил Шекспир.

– Я влюбился сегодня в четыре часа дня, – ответил Гель.

– Но в таком случае ты мог видеть ее только издали?

– Увидеть ее – это значило влюбиться в нее. Выпейте со мной за ее здоровье, господа, и за мою любовь.

– Если хочешь, мы выпьем даже за ее нос, за рот, за щеки, – сказал Слай, приводя в исполнение свои слова.

– Не воображай, что это – любовь, юноша, – сказал Флетчер, – любовь зарождается не так быстро.

– Нет, это может быть и любовь, – заметил Шекспир. – Любовь похожа на пламя, одна искра, и огонь вспыхнет совершенно неожиданно. Если дело ограничится только этой искрой, то, конечно, огонь скоро потухнет, но если получится новый материал для топлива, новые встречи и взгляды, то пламя разрастется и превратится в божественный огонь, согревающий сердце и душу. Если топлива окажется чересчур много или слишком мало или поднимется противоположный ветер, то, конечно, пламя погаснет. Искра воспламенила нашего Геля, но будет ли гореть пламя его любви или нет, это покажет будущее.

Гель объявил, что если возможно погасить огонь в его груди, то только при помощи вина; все его друзья согласились с этим и потребовали другой бочонок вина. Гель пил больше всех,

но чем больше он пил, тем яснее представлялась она его очам, ему казалось, что она незримо присутствует тут же, и он все говорил, услаждая себя мечтой, что она слышит каждое сказанное им слово.

Он не успел оглянуться, как актеры уже заговорили о том, что пора и по домам; за большинством из присутствующих пришли слуги, так как в те времена необходим был надежный эскорт, чтобы безопасно ходить по улицам Лондона в такой сравнительно поздний час. Но Гель, живший в одном доме с Шекспиром, вовсе не был еще расположен идти спать. Шекспир, хорошо знавший, что юноша сумеет в случае нужды постоять за себя, не препятствовал его желанию еще пображничать и тоже ушел домой; остались только Мерриот и Слай, который был не прочь еще выпить бутылочку-другую. Но наконец и Слай решил, что пора идти спать; так как он едва уже держался на ногах. Гель проводил его до дверей дома, где он жил, и затем, когда друг его исчез, остался совершенно один среди пустынной узкой улицы, обдумывая, где бы найти себе компаньонов, чтобы весело провести остаток ночи.

Спать ему еще не хотелось, а между тем в кармане его не было теперь ни одного пенни, так как оставшиеся у него три шиллинга он уже давно спустил в «Морской Деве»; оставалось теперь искать таверну, где бы ему поверили в долг; к сожалению, таковых было очень немного, и поэтому он отправился наобум искать счастья.

Покачиваясь и шатаясь, он прошел таким образом несколько улиц, не обращая внимания, куда идет, заворачивая за угол, когда доходил до конца улицы. Он шел медленно, не торопясь, и вдруг услышал за собой быстрые шаги, очевидно, догонявшие его; он быстро спрятался за выступ стены и приготовил кинжал и рапиру. Из темноты вынырнули два подозрительных оборванца, внимательно осмотрели его при свете фонаря и, очевидно решив, что на него не стоит тратить времени, прошли мимо.

Гель пошел дальше, тщетно поглядывая, не увидит ли где-нибудь в тавернах свет; везде, однако, было уже темно, и он напрасно стучал в знакомые ему двери, никто не открывал ему. Наконец он дошел таким образом до таверны «Дьявол», где иногда засиживался до поздней ночи Бен Джонсон, тоже любивший бродить по ночам. При мысли об этом человеке Гелю вдруг страстно захотелось очутиться в его обществе, он забыл даже про его злые эпиграммы и сатиры, направленные против его благодетеля – Шекспира.

Долго стучал он в дверь таверны, и наконец слуга открыл ее. От него он узнал, что Джонсон действительно наверху, и послал сказать ему, что желает его видеть. Несколько минут спустя его впустили в таверну и провели в комнату, где сидел сам Джонсон, огромного размера некрасивый человек. Он сидел в большом кресле по одну сторону четырехугольного стола и разговаривал с группой господ в самых разнообразных костюмах и в разных стадиях опьянения от выпитого вина. Он поздоровался с Гелем довольно приветливо, отеческим тоном, указал ему на стул рядом с собой и спросил, как поживает Шекспир. Несмотря на соперничество на литературном поприще, оба эти человека были связаны самой тесной дружбой и глубоко уважали друг друга. Появление Геля сразу заставило разговор перейти на сегодняшнее представление «Гамлета», которое видели многие из присутствующих.

Один из молодых людей, выпивших больше чем следовало, стал насмешливо отзываться об этой пьесе. Гель горячо принялся возражать ему. Оба вытащили свои рапиры, и так как их разделял стол, Гель вскочил на него, чтобы скорее добраться до своего противника. И только быстрое вмешательство Джонсона, тоже вскочившего на стол и вставшего между двумя противниками, остановило кровопролитие. Но так как за молодого человека вступилось большинство присутствующих и в комнате поднялся такой шум, что прибежал сам хозяин, решено было выпроводить Мерриота из таверны. Несколько минут спустя он очутился опять один в темноте, на улице.

Тут только он заметил, что с ним нет его рапиры, ее вырвали у него в пылу борьбы, вызванной его изгнанием. Желая во что бы то ни стало вернуть свою рапиру, он принялся изо

всех сил стучать рукояткой кинжала в дверь и кричать во все горло, чтобы ему возвратили оружие, но на его крики никто не обращал внимания, и дверь оставалась закрытой. Страшно обозленный, он бросился бежать по улицам в надежде найти какую-нибудь шайку воров или бродяг, которые помогли бы ему взломать двери таверны. Но вино, выпитое им в этот вечер, оказало наконец свое действие, и поэтому, когда он вдруг с разбегу наскочил на какого-то человека на улице, то был так ошеломлен этим, что даже забыл, зачем и куда он бежал.

– Что за черт! – крикнул ему встречный и потом, переменяв вдруг тон, воскликнул: – Как, это ты, Мерриот! Вот приятная встреча, возьми свои два шиллинга и никогда не смей говорить, что Кит Боттль не платит долгов. Я только что проводил своего юного друга до его квартиры, это лучшее, что я мог сделать для него. Но что ты делаешь тут, Мерриот? Пойдем-ка лучше со мной на улицу Тернбуль, там есть один домик, где всегда радостно приветствуют Кита Боттля. Последнее время, правда, я впал там в немилость, но сейчас в карманах у меня опять звенят деньги, и нас примут с распростертыми объятиями.

Обрадованный этой неожиданной встречей, Мерриот взял под руку капитана и отправился с ним на улицу Тернбуль. Кит постучал в дверь одного из домов несколько раз, прежде чем отозвались на его стук. Наконец во втором этаже открылось окно, и хриплый женский голос спросил, кто там стучит.

– Неужели ты не видишь по моему красному носу, что это Кит Боттль? – ответил капитан. Женщина крикнул ему, чтобы он подождал минутку, и исчезла из окна.

– Вот видишь, юноша, – прошептал Кит, – для меня открыты двери даже и в самый поздний час ночи. По правде говоря, я немного боялся, что меня встретят здесь не особенно ласково, но, по-видимому, старые счета забыты, и мы превесело проведем здесь время.

Вдруг раздался плеск воды, к ногам обоих мужчин вылилась целая лужа помоев, в окне показались на минуту две поднятые руки и ушат; затем все это скрылось, и окно захлопнулось.

Боттль произнес проклятие и спросил Геля:

– Что, тебе попало на платье?

– Чуть было не попало, – ответил Гель, улыбаясь, – вот как тебя встречают радостно, Боттль!

Кит страшно рассердился и принялся стучать в дверь дома, осыпая ругательствами живущих в нем. Гель стал деятельно помогать ему. В скором времени послышались крики: «Воры! Помогите! Защитите!» – и вся улица оживилась. Увидев, в чем дело, все эти люди бросились на Боттля и его товарища и принялись тузить их.

Вдруг раздался крик: «Полиция!» Гель, хорошо познакомившийся однажды вечером с полицией за драку на улице, предпочел теперь обратиться в бегство. «Спасайся!» – крикнул он своему товарищу и бросился бежать сломя голову. Боттль, по-видимому, бежал за ним, так как он не переставал слышать его голос, выкрикивавший какие-то ругательства.

Гель бежал довольно долго и вдруг остановился, так как заметил, что он совершенно один на улице; он повернул назад, но нигде не мог найти Кита. Тогда он опять пошел дальше, куда глаза глядят, все еще подыскивая себе компанию, чтобы выпить, и вдруг увидел вдали огонек: это была небольшая пивная, которая открывалась рано утром; он вошел в нее и приказал подать себе вина.

Хозяин, знавший его, удивился, увидев, что на нем нет ни шляпы, ни плаща; он предложил ему простую шапчонку и куртку рабочего, так как было очень холодно и он мог легко простудиться в своем легком костюме. Гель совершенно равнодушно позволил надеть на себя куртку и нахлобучить шапчонку, он с удовольствием пил вино и только сожалел о том, что нет подходящей компании; все ночные посетители давно разошлись по домам, и явиться сюда могли только ранние утренние гости. В эту минуту в пивную вошло несколько человек рабочих, одетых в простые блузы, с инструментами за плечами; это были, по-видимому, плотники; они спросили себе пива и велели подавать его скорее, так как торопились на работу, но Гелю

понравилось их общество, и, не желая так скоро отпускать их, он предложил им выпить на его счет, так как в кармане у него были деньги, возвращенные ему Боттлем. Когда наконец они опять собрались идти, Гелю стало так жаль расставаться с ними, что он пошел за ними и все время уговаривал их зайти еще куда-нибудь выпить по стаканчику пива, но они, весело перемигиваясь между собою, уверяли его, что выпьют все вместе, когда дойдут до цели своего путешествия. Они повели его, бережно поддерживая с двух сторон, и хотя он был почти мертвецки пьян, он все же заметил, что шли они очень долго, пока наконец не пришли к каким-то огромным воротам, где их спросил о чем-то, вероятно, какой-то сторож; затем они прошли дальше и очутились в саду. Тут плотники вдруг остановились и стали совещаться между собою. Они теперь испугались, что привели с собой чужого человека, выдав его тоже за рабочего, и решили поскорее отделаться от него, чтобы снять с себя всякую ответственность. Они бережно опустили его на траву под кустик и быстро удалились в противоположную сторону, а он, очутившись на мягкой траве, сейчас же заснул крепким сном.

Когда он проснулся несколько часов позже, не имея понятия о том, в чьем саду находится и как попал сюда, он увидел вдруг прямо над собой довольно пожилую даму, стройную и высокую, с белокурыми волосами, с бледным лицом, с темными глазами и темными бровями; она смотрела на него с явным удивлением. Одеята она была чрезвычайно богато, в белое бархатное платье, с узкой талией и широкой юбкой, на плечах был накинут небольшой плащ, вытканый золотом и опушенный горностаем, на голове остроконечная узкая бархатная шляпа. Гель смотрел на нее и с удивлением спрашивал себя, где он видал ее раньше.

– Мадам, – сказал он хриплым голосом, – извините меня, я, кажется, попал нечаянно в ваш сад. Скажите мне, пожалуйста, где я?

Дама внимательно посмотрела ему прямо в лицо, потом просто ответила:

– Вы в саду Уайтхольского дворца. Кто вы такой?

Гель подавил крик удивления, готовый вырваться у него; теперь он понял, где он видел раньше эту даму. Он видел ее на представлении, которое давалось при дворе на Рождестве. Он упал на колени прямо к ее маленьким ногам, обутым в кожаные башмачки, украшенные лентами.

– Я – самый верный и самый почтительный слуга вашего величества, – ответил он.

– Но что же вы тут делаете, черт вас возьми? – спросила его королева Елизавета.

III. Королева и женщина

Хотя королева Елизавета очень часто посылала к черту своих дам и любимых придворных, она, однако, никогда не обращалась с посторонними так, как в настоящую минуту с Гелем. Побудило ее к этому не удивление при виде юноши, заснувшего в ее саду в куртке рабочего и шелковых штанах, которые носили только люди из общества, точно так же, как и бархатный жилет. Она не боялась также, что это будет второй капитан Томас Лей, которого нашли как-то притаившимся во дворце около дверей ее спальни, дня через два после раскрытия, заговора герцога Эссекского, и которого тотчас же и казнили. Если бы при виде спящего юноши королеве пришла мысль, что этот человек, притаившийся здесь, убийца, она поступила бы, конечно, в данном случае так же, как и тогда, когда во время Бебингтонского заговора она вдруг наткнулась в саду на одного из спрятавшихся там заговорщиков, и, так как вблизи не было стражи, сумела одним только своим взглядом обратить его в бегство. Капитан ее стражи никогда в жизни не мог впоследствии забыть того выговора, который он получил от нее вследствие подобной его небрежности. В данном случае она была виновата во всем сама, так как капризным тоном приказала своей свите, состоявшей из придворных дам, пажей и стражи, оставаться в парке, а сама отправилась сюда искать уединения. Все эти люди стояли не очень далеко, они не могли видеть ее, но по первому ее призыву готовы были ринуться на помощь. Она искала уединения и рассердилась при виде юноши, помешавшего ей.

«Да, черт возьми, что ему здесь было нужно?» – спросил себя невольно и Гель, беспомощно озираясь по сторонам.

– Я не знаю, как я попал сюда, – заговорил он нерешительно, – но со мною нередко случается, ваше величество, что я просыпаюсь в таком месте, куда вовсе не стремился попасть; дело в том, что я выпил вчера чересчур много.

Он поднес невольно руку к голове, как бы подтверждая этим свои слова, и затем с таким неподдельным изумлением взглянул на свою рабочую куртку, что королева не могла не поверить его искренности.

– Как вас зовут? – спросила королева, которая, по-видимому, имела особые причины расспрашивать этого юношу сама, вместо того чтобы сейчас же приказать арестовать его или отдать под стражу.

– Гарри Мерриот, ваше величество, придворный актер, но по рождению дворянин.

Елизавета сначала как будто нахмурилась, услышав, что имеет дело с актером, но потом вдруг улыбнулась, в душу ее, по-видимому, закралась какая-то светлая и приятная мысль.

– Но ведь если вы актер, – сказала она, – вы, наверно, на стороне тех несчастных, которые участвовали в заговоре против меня? – спросила она, внимательно глядя ему в глаза.

– Я никогда не был их сторонником, ваше величество, клянусь в этом.

– Но лично вы расположены к ним?

– Некоторые из них были нам очень близки, и мы от души желали бы, чтобы они были оправданы, насколько это совместимо с преданностью вашему величеству и с счастьем и благосостоянием Англии. Что касается меня, я готов пожертвовать жизнью, чтобы доказать вашему величеству, насколько я предан престолу и моей высокой повелительнице.

Гель говорил совершенно свободно, нисколько не смущаясь, так как королева держала себя тоже крайне просто и говорила совершенно спокойно, как с равным себе.

– Может быть, – сказала она полушутя-полусерьезно, – вам придется на деле доказать свою преданность мне и в то же время оказать услугу одному из ваших друзей. Если бы я могла довериться вам, впрочем, нет, ваше присутствие здесь должно быть прежде объяснено. Постарайтесь напрочь свою память и вспомните, каким образом вы попали сюда. Это тем более

необходимо, что вам, вероятно, известно, какая участь ждет тех людей, которые вдруг совершенно неожиданно появляются поблизости от королевских покоев.

Гель испугался, холод закрался в его душу.

– Если ваше величество хоть на секунду можете сомневаться в том, что сердце дворянина принадлежит вам не всецело, умоляю вас позвать стражу, и пусть возьмут меня.

– Нет, – ответила Елизавета, тронутая его словами и поверившая в его искренность, – я говорила это не потому, что я так думаю, но потому, что другие могли бы это думать. Теперь, когда мне кажется, что я поняла вас, я решила дать вам поручение, которое может исполнить только такой человек, как вы, то есть человек, никому не известный при дворе и могущий исполнить мое поручение так, что никто не заподозрит, что оно исходит от меня. Я как раз думала о том, где бы мне найти такого человека, когда увидела вас, и расположение духа у меня было не особенно блестящее, как вы уже имели случай убедиться.

– Служить вашему величеству – величайшее для меня счастье, – живо заметил Гель, и действительно он испытывал чувство глубокой преданности к королеве, как и вся остальная молодежь в Англии.

– Но все же вы мне не объяснили, как вы попали в мой сад, – сказала королева.

– Я помню, что произошла ссора в одной из таверн, где я был, – сказал Гель задумчиво, стараясь припомнить все перипетии прошедшей ночи. – Затем я очутился один на улице с капитаном Боттлем, тут произошел какой-то прискорбный случай, и затем я, кажется, заблудился и остался на улице совершенно один. Потом, помню, я шел, поддерживаемый кем-то с двух сторон, и вдруг я, кажется, упал и потерял сознание. Что было дальше, не помню, впрочем, нет, почему-то мне кажется, тот плотник в конце сада каким-то образом замешан в происшествиях этой ночи.

Плотник действительно в эту минуту оказался в конце аллеи, где стоял Мерриот с королевой; он намеревался приступить к исправлению решетки вокруг одного из боскетов.

Королева, которая, когда надо, могла быть самой церемонной из всех монархов на свете, теперь прямо приступила к делу: она слегка кашлянула и этим обратила на себя внимание рабочего; он посмотрел на нее и упал на колени, узнав королеву. Та поманила его к себе, он подполз на коленях и продолжал стоять так, пока королева не обратилась к нему. Гель тоже стоял на коленях, так как обыкновенно королева требовала, чтобы говорящие с ней находились в коленопреклоненном положении.

– Вы знаете этого молодого человека? – спросила Елизавета таким спокойным тоном, что невольно и плотник слегка ободрился и рассказал дрожащим голосом, как они пошутили с товарищами и провели этого господина в сад, а затем испугались сами того, что наделали, и бросили его сонного под кустом. Несчастный стал жалобно молить королеву простить его и не губить ради жены и восьмерых детей.

– Однако хороши у меня сторожа и стража вообще, – заметила королева, обращаясь к Гелю, – ведь, несмотря на вашу куртку, сразу видно, что вы не рабочий. Но, впрочем, может быть, все это к лучшему. – И, обращаясь к рабочему, сделала ему выговор за неуместную шутку, и, успокоив его обещанием, что простит его, если он сумеет молчать обо всем происшедшем, она велела ему вернуться к своей работе и снова обратилась к Мерриоту со словами: – Мне кажется, что вы посланы мне самим небом, так как я при всем желании не могла бы найти более подходящего человека. Мне нужен именно такой человек, которого никто не знает при дворе и на которого никогда не падет подозрение в том, что я дала ему секретное поручение.

Гель в душе немного подивился тому, что королеве почему-то понадобился такой человек, но он, конечно, затаил эту мысль в душе и сказал только, что действительно само небо послало его сюда, чтобы он имел счастье услужить своей королеве.

Что касается королевы, то она уже решила про себя, что использует этого человека для своей цели. Она пришла в сад, в поиске уединения, чтобы на свободе обдумать, где бы найти

человека, которому она могла бы доверить свою тайну. Она решила рискнуть и довериться полностью тому впечатлению, которое произвел на нее этот юноша; ей казалось, что он предан ей и рыцарски оправдает ее доверие, исполнив поручение, хотя бы это стоило ему жизни. Делая вид, что колеблется, она этим только нарочно увеличивала его желание послужить ей, так как подчеркивала своей нерешительностью всю важность поручения, которое собиралась дать ему.

– Мне надо многое сказать вам, – начала она нерешительно, – а времени у меня немного. Я уже давно ушла от своей свиты, и там, вероятно, удивляются тому, что я так долго мечтаю в одиночестве. Никто не должен знать, что я видела вас здесь и говорила с вами. Что касается этих плотников, я спокойна, что они не выдадут нас, так как я достаточно уже запугала этого беднягу, который теперь, наверное, ни жив ни мертв от страха. Теперь слушайте, что я вам скажу. Близкие мне советники случайно открыли, что в заговоре герцога Эссекского принимал участие и один близкий мне человек. Участие его выразилось настолько сильно, что он поистине достоин казни. Он пока еще и не подозревает о том, что его предали. Он сидит, вероятно, теперь у себя дома совершенно спокойно и не знает, что уже подписан указ об его аресте. Сегодня днем офицер, которому поручено произвести арест, отправляется в дорогу в провинцию, где живет этот человек. Мне удалось отсрочить отъезд офицера на несколько часов, но это все, что я могу сделать.

– Отсрочить, ваше величество? – спросил Гель, думая, что он ослышался.

– Да, отсрочить, – совершенно спокойно повторила Елизавета, – я отсрочила арест, чтобы иметь время обдумать, как бы устроить так, чтобы этот человек успел скрыться раньше, чем его арестуют.

Она подождала немного, пока удивленный взор Геля не принял более вдумчивого и внимательного выражения, и продолжала так же спокойно:

– Вы удивляетесь тому, что я, которая могу повелевать, стараюсь вдруг прибегнуть к тайне, чтобы достичь желаемого? Вы удивляетесь тому, что я хочу дать возможность несчастному бежать и в то же время считаю необходимым дать указ об его аресте? Не проще ли было просто помиловать его? Вы не знаете, мой юный друг, что иногда монарху приходится издавать указы или санкционировать то, чего в глубине души он никак не может одобрить.

Гель молча поклонился. Он ничего не понимал в делах государственных и мало интересовался ими. Он не понимал мотивов поведения королевы, но готов был беспрекословно повиноваться ей и исполнить всякое ее желание. Только впоследствии понял он, как обстояло дело.

Заговор, во главе которого стоял герцог Эссекский, был направлен не против самой королевы или ее власти, а против существующего правительства, от которого заговорщики надеялись избавиться, сделав королеву на время пленницей и руководя ею по своему желанию. Что касается самой королевы, то все они были глубоко ей преданы. И, как женщина, она лично не могла питать к этим заговорщикам какой-нибудь особенной вражды. Но единство и целостность государства требовали, чтобы главные из заговорщиков были наказаны. Она с удовольствием помиловала бы своего любимца герцога Эссекского, если бы получила кольцо, которое он послал ей, чтобы напомнить данное его когда-то обещание. Но так как она не получила этого кольца, она решила, что он слишком горд, чтобы просить помилования, и отдала приказ казнить его. Что касается других его сообщников, то ко многим она была совершенно равнодушна, за другими же, наоборот, числились старые вины, за которые они должны были теперь расплачиваться. Так, например, Саутгемптону она не могла простить, что он женился и, кроме того, бывал часто причиной ссор между нею и герцогом Эссекским. Но кто же был тот таинственный незнакомец, о котором она говорила теперь Мерриоту?

Он принадлежал к числу тех счастливых, которые вовремя уехали в свои имения и скрыли таким образом всякие следы своего участия в заговоре, однако имена их были все же известны совету, и решено было наказать одного из них, чтобы напугать всех остальных. Выбор

пал как раз на этого человека, так как помимо того, что он участвовал в заговоре, он был еще и католик.

Но дело в том, что Елизавета-женщина, сохранила о нем лучшее воспоминание, чем Елизавета-королева. Правда, он не был в данном случае исключением, так как герцог Эссекский и другие разделяли с ним ту же честь, но он во многом отличался от них. Будучи католиком, он никогда не бывал при дворе. Много лет тому назад, как-то в марте королева спасалась в его имени от грозы, которая застигла ее во время охоты. Она осталась некоторое время в его доме, отыскивая для этого различные предлоги, а затем он сопровождал ее во время одного из ее путешествий. Но связь эта была окружена глубокой тайной. Окончилась она тоже не так, как другие, внезапным разрывом или полным пресыщением: она была просто прервана и больше не возобновлялась. Таким образом, она сохранилась в памяти Елизаветы как что-то необыкновенно чистое и приятное; с годами воспоминание это принимало все более теплый оттенок и стало самым дорогим для ее сердца. Это была единственная чистая любовная поэма в ее жизни. Другие отличались бурными сценами и часто смешивались с самой обыкновенной прозой. Любовь эта могла служить темой для поэтического творчества, хотя бы и Эдмунда Спенсера. Она была тем дороже, что осталась для всех тайной. Никто никогда и не подозревал о ней, кроме молчаливого старого слуги и одной доверенной фрейлины; первый был теперь при смерти, вторая уже умерла.

Елизавете не хотелось осквернить свою любовь казнью, пока в ее силах было спасти этого человека. До сих пор она никогда не предлагала, и он никогда не просил ее защитить его от нападков и неприятностей, которые сыпались на него со всех сторон за то, что он католик, и настолько отравляли ему жизнь на родине, что он большею частью жил во Франции. Но смерть – это другое дело, ей была неприятна мысль, что он кончит свою жизнь на эшафоте, и хотя она больше и не мечтала о том, чтобы когда-либо опять встретиться с ним, но все же не желала его смерти. Этот любимый ею когда-то человек имел еще одно преимущество перед другими ее любовниками, он так и остался навсегда холостым. Уже одно это обстоятельство в ее глазах ставило его неизмеримо выше герцога Эссекского или Саутгемптона, так как те оба женились. Тот факт, что уже смерть герцога потрясла ее до глубины души, заставил ее призадуматься перед тем, как обречь на смерть другого своего любимца.

Жертва, принесенная ею в первом случае, настолько возвысила ее в глазах всего света, доказав, что она умеет приносить себя в жертву государству, что она не хотела показаться слабее, чем раньше. Больше чем когда-либо прежде, ей хотелось доказать всем, что личные чувства она не принимает во внимание и готова жертвовать для блага отечества хотя бы и самыми близкими друзьями. Тот факт, что она, королева, стоящая во главе великого народа, победительница великой Армады, была когда-то так слаба, что ясно выказывала перед всеми свои чувства, заставил ее именно теперь, когда имя ее должно было навсегда перейти в историю, следить за собою как можно строже. Отказаться в санкционировании решения совета, имевшего глубокое политическое основание и никаких политических оправданий, значило бы перед всеми сознаться в своей слабости. Между тем она вовсе не хотела профанировать чувство, которое со временем сделалось для нее святым, и тем менее хотела, чтобы все узнали и об этой ее слабости. Поэтому ей оставался один исход – спасти его, но таким образом, чтобы никто не догадался, что этим спасением он обязан именно ей.

Для своего спокойствия как женщины она должна была сделать все, чтобы арест этот не состоялся. Но для спасения репутации королевы она должна была действовать тайно, чтобы никто не догадался об этом. Правая рука – королевы – не должна была знать, что делает левая рука – женщины, которая была этой королевой. Чтобы отсрочить хоть на несколько часов арест несчастного, она приказала соблюсти все формальности и привести в порядок все бумаги, необходимые для этой цели.

Ей нужен был человек отважный, ловкий, умеющий свято хранить доверенную ему тайну, и в то же время никому не известный при дворе, так чтобы в случае измены с его стороны никто не поверил ему, если он станет уверять, что действовал по приказанию самой королевы; кроме того, этот человек должен был верить ей на слово, что только глубокие политические причины побуждают ее поступать так в данном случае: самолюбивая и гордая королева не хотела, чтобы даже хоть один смертный знал, что именно заставляет ее желать спасения человека, которого она же сама осудила на смерть.

– Я ищу такого человека, – говорила королева Гелю, – который должен действовать исключительно от себя, не упоминая никогда моего имени. Никто не должен даже предположить, что он действует по моему приказанию, и вследствие этого, конечно, он и не может рассчитывать на благодарность с моей стороны, так как я могу поблагодарить его только мысленно.

– Подобная благодарность – высшее счастье на земле, – ответил Гель, до глубины сердца тронутый доверием королевы.

– Да, конечно, – ответила королева улыбаясь, – но ведь, кроме того, он не должен рассчитывать на помощь с моей стороны, даже если бы он из-за меня очутился в тюрьме или был бы осужден на смертную казнь. И если пытка вырвет у него признание, что он действовал по моему приказанию, то я скажу, что он нагло лжет, и откажусь от того, что когда-либо видела его.

– Если ваше величество будете так милостивы, что позволите мне выполнить данное поручение, я могу поручиться своей честью, что буду молчалив как могила, – сказал Гель, все более воспламеняясь желанием оказать эту услугу королеве, так как она должна была быть вполне бескорыстной и в то же время небезопасной.

– Но вам придется уехать из Лондона, – сказала королева, этими словами давая понять, что выбор ее окончательно решен, – и вам придется подыскать какой-нибудь предлог, чтобы объяснить своим друзьям свой отъезд из столицы.

– Это очень легко сделать, – возразил Гель, – наша труппа на той неделе начинает свое турне. Я уеду под тем предлогом, что хочу немного опередить ее, тем более что мои роли легко может исполнить другой актер, по имени Грове.

– Даже тот человек, которого вы едете спасать, – продолжала королева нерешительно, – не должен ничего подозревать о том, кем именно вы посланы. Вы сделаете вид, будто узнали об аресте благодаря чьей-нибудь измене и заинтересованы в его спасении только потому, что принадлежите к партии герцога Эссекского. Живет этот человек около Вельвина в Гертфордшире, зовут его сэр Валентин Флитвуд.

Гель невольно вскрикнул от удивления.

– Ну, в таком случае, – сказал он, – я могу спокойно действовать от своего имени, так как он – мой друг и даже мой благодетель: его отец спас когда-то жизнь моему деду. Мне незачем придумывать предлоги, чтобы спасти сэра Валентина, у меня довольно причин желать его спасения и без того. Я и не знал, что он вернулся в Англию.

– Вот и прекрасно, – заметила Елизавета, стараясь не показать, как она обрадовалась этой счастливой случайности, – теперь слушайте, что вы должны сделать. Офицер, едущий арестовать его, выедет отсюда в три часа пополудни. Вы должны опередить его, приехать во Флитвуд, предупредить сэра Валентина о грозящей ему опасности, уговорить его бежать и всеми способами должны стараться, чтобы бегство это удалось и он спасся бы вовремя.

Гель поклонился. По лицу его видно было, что он испытывает чувство глубокого разочарования, так как миссия его была в высшей степени проста и несложна.

Королева улыбнулась.

– Вам кажется это слишком легкой задачей, – сказала она, – стоит только быстро проехать расстояние от Лондона до Вельвина и оттуда в какой-нибудь порт. Но подумайте о том, что могут быть разного рода случайности. Представьте себе, что сэра Валентина как раз не

окажется дома, и вам придется разыскивать его, чтобы опередить офицера, едущего арестовать его. Может быть, он будет дома, но не захочет бежать, так как не поверит грозящей ему опасности, и вам придется уговаривать его и, может быть, даже увезти его силой, причем вы легко можете наткнуться на преследование со стороны моего офицера. Вы должны будете оказать тогда сопротивление, хотя бы это стоило вам жизни, а между тем вам известно, что ожидает тех, кто противится официальной власти. Ведь вы таким образом сделаетесь таким же изменником, как и сам сэр Валентин. Помните, что, если вас возьмут, я не буду спасать вас, весьма вероятно, что я же сама отдам приказ казнить вас немедленно. Поэтому не относитесь так легко к своей задаче, помните о предстоящих вам опасностях и постарайтесь не попасть в руки правосудия. Может быть, вам потом, в свою очередь, придется спастись бегством за границу и остаться жить там навсегда.

– Я исполню все ваши приказания в точности, ваше величество, но, умоляю, простите меня, что я должен все же упомянуть об одном обстоятельстве. Дело в том, что мне придется обзавестись лошадью, а я совершенно без денег.

– Слава богу, благодаря простой случайности я сегодня захватила с собой полный кошелек, выходя из дому, – воскликнула королева, отстегивая сумочку от пояса и передавая ее Гелю. – За последнее время мой кошелек вообще редко бывает полон. Высыпьте все эти золотые монеты в свой карман и оставьте мне только несколько штук, чтобы они звенели в кошельке.

Гель исполнил ее приказание, и королева снова повесила сумочку на пояс.

– Употребите эти деньги на спасение сэра Валентина, – продолжала она, – может быть, у него в данную минуту и не окажется необходимой суммы, а остальное оставьте у себя как вознаграждение за оказанную мне услугу. Конечно, этого немного, но что делать, другим способом я не могу вознаградить вас. Может быть, конечно, если все обойдется благополучно, вы и найдете потом возможность когда-нибудь впоследствии появиться при дворе при других обстоятельствах, тогда, конечно, я не забуду, чем я обязана вам, и постараюсь уплатить свой долг по отношению к вам.

– Ваше доверие, ваше величество, лучшая для меня награда, – возразил Гель с жаром.

На это Елизавета только сказала:

– Пусть этот плотник выведет вас из сада таким же образом, как он привел вас сюда, а теперь не теряйте времени, и Бог да благословит вас.

Гель был на седьмом небе, так как королева милостиво протянула ему руку, к которой он прикоснулся губами, все еще стоя на коленях.

Это была прелестная нежная рука, какой и сохранилась до самой смерти королевы, и такой помнил ее Гель до последних дней своей жизни. Не помня себя от восторга, он быстро поднялся и, пятясь назад, вышел из аллеи. Королева повернулась и быстро пошла по направлению, где ждала ее свита.

В эту минуту он чувствовал только одно, что жизнь его отныне принадлежала одной королеве, а Елизавета думала о том, как милостиво было к ней небо, послав ей в самую критическую минуту такого неожиданного помощника в лице этого скромного и в то же время предприимчивого юноши, который готов был исполнить ее поручение, хотя бы это стоило ему жизни.

Когда Гель очутился снова на улице, он ясно почувствовал все последствия ночи, проведенной в саду в холодное мартовское время: голова его болела невыносимо благодаря выпитому накануне вину. Во время разговора с королевой он, конечно, не сознавал этого. Чтобы избавиться от неприятного ощущения, он зашел в первую попавшуюся таверну и там подкрепил свои силы теплым завтраком и стаканом вина.

Затем он пошел в таверну, где накануне оставил свою рапиру, и так как там сразу признали его, несмотря на его рабочую куртку, – обстоятельство, не вызвавшее ничего удивления,

так как всем давно было известно, что во время ночных походов Гель Мерриот являлся и не в таких костюмах, он получил свою рапиру без всяких разговоров и отправился затем по лавкам делать необходимые покупки. Некоторое время спустя на нем уже красовался новый коричневый бархатный камзол, темно-зеленый плащ, широкополая шляпа без пера и высокие сапоги, в голенищах которых почти совершенно исчезали его коричневые брюки.

Он в уме уже обдумал план предстоящего путешествия. Так как одному невозможно было справиться с разбойниками, если бы на него напали на дороге между Лондоном и Вельвином, он должен был прежде всего позаботиться о том, чтобы найти себе спутника и слугу. К счастью, путь его домой лежал как раз через рынок, где обыкновенно собирались люди, оставшиеся без работы и готовые делать все, что бы им ни предложили. Он быстро направился туда и не успел он войти на рынок и смешаться с толпой, как вдруг издали увидел знакомое лицо, и знакомый голос окликнул его:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.